

Такая тихая, безветренная погода словно специально была создана для красивых снимков.

В ту ночь ленты соцсетей пестрели праздничными фотографиями, а новогодние теги прочно обосновались в топах. По телевизору гремели праздничные концерты: звёзды блистали на сцене, фанаты ликовали в залах. На центральной площади города А каждый час расцветали фейерверки, и восторженный гул толпы не стихал ни на минуту.

Однако эта атмосфера всеобщего веселья не имела ничего общего с тем, что происходило в стенах отеля «Семь звёзд».

Цэнь Сяо попросил официанта подогреть два бокала красного вина и отнести их в гостиницу «Чанхэн», что стояла прямо напротив. Сотрудник отеля несколько раз переспросил, уточняя:

— Вы больше не вернётесь? Если захотите войти позже, вам понадобится кто-то из списка приглашённых, чтобы провести вас.

Цэнь Сяо вспомнил лица, мелькавшие на приёме, и на его губах заиграла презрительная усмешка:

— Не вернусь.

Всю нужную информацию он уже собрал. Пусть оставшуюся часть этого заурядного спектакля доигрывают те, кто так мастерски натаскан в актёрском ремесле.

Администратор «Чанхэн» во все глаза наблюдала, как Цэнь Сяо входит в холл, а следом за ним семенит официант из «Семи звёзд». Тот передал гостю бокалы с явно недешёвым горячим вином и поспешил обратно. Стоимость этих двух напитков едва ли не превышала цену за номер в её заведении.

За вечер это был уже второй случай, когда из роскошного отеля напротив что-то доставляли постояльцам этой скромной гостиницы. Совсем недавно какой-то статный мужчина средних лет принёс контейнеры с едой — сказал, что доставка, хотя сервировка была изысканнее, чем в любом обычном ресторане.

«Что за странные причуды у этих клиентов? — гадала администратор. — Решили вспомнить былую бедность среди роскоши?»

Войдя в номер, Цэнь Сяо обнаружил, что Ли Жун так и не зажёл свет. Тот сидел у окна,

прижавшись лицом к стеклу, и внимательно смотрел на улицу. Окно всё ещё было приоткрыто, и температура в комнате почти сравнялась с уличной.

Цэнь Сяо нащупал выключатель и нажал на него локтем. Вспыхнул яркий свет, заливая комнату, и он мимоходом спросил:

— Что ты там высматриваешь?

Ли Жун неспешно ответил:

— Смотрю на твои следы.

Он произнёс это, не задумываясь, — просто констатировал факт.

«В прошлой жизни он никогда по-настоящему не присматривался к Цэнь Сяо, — признавал Ли Жун теперь. — Хотя его поведение всегда было холодным и спокойным, его мысли уже тогда были полны предубеждений»

Он боялся обращаться к врачам за диагностикой, хотя понимал, что после всего случившегося с его семьёй сохранить душевное здоровье было почти невозможно. В те времена юноша напоминал настороженного ежа, который при малейшем шорохе выставляет колючки и закрывается от мира.

Тогда он часто чувствовал грубость Цэнь Сяо, порой граничащую с ненавистью, но в то же время ощущал его любовь, которую тот был не в силах подавить. Подсознательные реакции человека скрыть труднее всего.

Из-за тревоги и вечного давления Ли Жун в своей первой жизни спал очень чутко. О полноценном восьмичасовом отдыхе или спокойных снах он не смел и мечтать. Но однажды, когда они с Цэнь Сяо довели друг друга до полного изнеможения, юноша рухнул на кровать и мгновенно провалился в сон, даже не найдя сил дойти до душа.

Он спал непривычно крепко, и мужчина не стал его беспокоить. Умывшись, тот устроился рядом с книгой. Когда же он закончил читать и решил лечь, то, выключив свет и забираясь под одеяло, случайно задел руку Ли Жуна. Тот во сне раскинулся на добрых две трети кровати.

Собеседник отпрянул так резко, словно ударился о раскалённый металл. Он замер, затаив дыхание, и вглядывался в лицо Ли Жуна, боясь, что тот проснётся. Ведь если бы юноша открыл

глаза в тот момент, он вряд ли смог бы уснуть снова.

Так он просидел в полной неподвижности минут пять. Убедившись, что дыхание спящего осталось ровным и глубоким, Цэнь Сяо облегчённо выдохнул. Он хотел было убрать прядь волос с лица Ли Жуна, но на полпути отдернул руку. Малейшее прикосновение могло нарушить этот хрупкий покой — потеряв статус «молодого господина», тот стал ещё более ранимым. Мужчина осторожно прилёг на самом краю, оставив между ними свободное пространство, чтобы ненароком не коснуться его снова, и только тогда позволил себе уснуть.

На самом деле Ли Жун проснулся в тот самый миг, когда его задела за руку. Он просто притворился спящим, не желая сталкиваться с реальностью после их близости. У него была редкая способность — имитировать глубокий сон, не выдавая себя даже движением зрачков.

«Если бы Цэнь Сяо не дорожил им так сильно, он никогда не был бы столь осторожен, — Ли Жун понимал это и тогда, но в своём ожесточении пытался приписать любым проявлениям любви тайные, мрачные мотивы. — Мне было проще считать его законченным мерзавцем — так он не мог влиять на мои эмоции»

Он не хотел признавать, что человек — существо сложное, а его чувства — ещё сложнее. В них нет абсолютной истины или деления на чёрное и белое, иначе люди не застревали бы в своих душевных болотах так безнадежно. Но истину нельзя стереть, просто игнорируя её. Именно поэтому после перерождения Ли Жун был так уверен, что сможет использовать Цэнь Сяо.

Но до этого момента он, кажется, ни разу не всматривался в те детали, из которых складывался сам Цэнь Сяо как личность.

Цэнь Сяо на мгновение запнулся, в его взгляде что-то промелькнуло, и он тихо спросил:

— И что интересного в моих следах?

Ли Жун склонил голову набок и прищурился. Из-за вспыхнувшего в комнате света вид за окном стал расплывчатым, и на стекле проступило его собственное отражение.

— В детстве я терпеть не мог устриц. Казались какими-то скользкими, некрасивыми, да и запах был странный. А потом вдруг полюбил их — теперь могу съесть несколько штук за раз. Раньше и к кошкам был равнодушен, думал только о том, как много от них шерсти. Но со временем посмотрел на них иначе — милые существа. А ещё раньше я любил идти впереди всех. Мне нравилось, когда за мной следуют, когда подчиняются моим приказам. Я редко оглядывался

назад и никогда не смотрел под ноги...

На этом он замолчал.

Ли Жун обернулся и с мягкой улыбкой посмотрел на Цэнь Сяо. После недолгой паузы он спрыгнул с маленького диванчика, поманил собеседника пальцем и поторопил:

— Ну же, иди сюда! Моё горячее вино скоро совсем остынет.

Цэнь Сяо опустил взгляд, о чём-то раздумывая, а затем понимающе улыбнулся и протянул Ли Жуну бокал. Юноша привёл в пример то, что раньше отвергал, а теперь принял. Мужчина понял подтекст, и Ли Жун знал, что он поймёт.

Ли Жун взял бокал, легонько чокнулся с Цэнь Сяо и сделал глоток. Терпкая, пряная жидкость с ароматом апельсиновой цедры обожгла горло, и по телу мгновенно разлилось приятное тепло.

Прошло четыре месяца, и его организм заметно окреп. В прошлой жизни на восстановление ушло полгода, сейчас же дело шло быстрее.

Проглотив вино, Ли Жун облизнул губы и удовлетворённо вздохнул. Ложь Цзян Вэйдэ, хоть и облекла Исследовательский институт «Хунсо» в лицемерные одежды праведности, помогла ему прояснить многие вещи. Сегодняшний день принёс ему победу, на которую он даже не смел рассчитывать.

Цэнь Сяо посмотрел на свой бокал, к которому только что прикоснулся Ли Жун, и тоже пригубил вино.

— Теперь ты можешь рассказать мне о статье? — спросил он.

Ли Жун на мгновение замер, его веки едва заметно дрогнули, но он тут же беспечно улыбнулся:

— Статью в журнал отправили не Цзян Вэйдэ и не «Хунсо». Это сделал я.

Цэнь Сяо догадывался об этом, поэтому новость не вызвала у него потрясения. Он молча ждал продолжения.

Ли Жун задумчиво провёл пальцем по краю прозрачного бокала, глядя куда-то вдаль и восстанавливая в памяти события нескольких месяцев назад.

— Я обнаружил эту гипотезу в той самой украденной рукописи. Отец не успел её опубликовать, поэтому я привёл записи в порядок и отправил их в редакцию. Ли Байшоу как-то приходил ко мне домой, искал бумаги отца. Если бы не его визит, я бы, наверное, их и не нашёл. Так что в каком-то смысле я должен его поблагодарить.

Он произнёс «поблагодарить», но в его голосе сквозило неприкрытое презрение.

— Значит, ты просил меня приглядывать за следственной группой из-за него, — подытожил Цэнь Сяо.

Ли Жун кивнул:

— Поэтому, когда кто-то попытался выкрасть рукопись, я сразу понял, что это не люди Ли Байшоу. Он в глаза не видел оригинал и уж точно не стал бы его сжигать.

Цэнь Сяо снова чокнулся с собеседником и сделал глоток. Юноша приподнял бровь и последовал его примеру.

— У тебя есть догадки, кто мог пытаться украсть бумаги? — спросил Цэнь Сяо.

Ли Жун глубоко вздохнул, слегка нахмурившись:

— Раньше не было, но теперь... почти уверен, что без «Хунсо» тут не обошлось. Меня всегда удивляло, почему следственная группа опечатала все научные архивы отца и запретила к ним доступ.

Причём доступ закрыли не на время разбирательства, а на несколько лет вперёд. Он когда-то просил об этом Цзян Вэйдэ, но тот убеждённо доказывал, что в старых записях Ли Цинли нет ничего ценного, а лекарство Люйиньсюй признано дефектным и проект закрыт навсегда. Тогда юноша безоговорочно верил наставнику и не стал настаивать.

Но если вдуматься, это выглядело крайне подозрительно. Наличие изъяна в препарате не означает отсутствие научной ценности. Разве не проще исправить ошибку, чем начинать всё с нуля? Но если Цзян Вэйдэ по какой-то причине лгал, значит, в опечатанных архивах и украденной рукописи действительно скрыто нечто невероятно важное.

— Человек, за которым следила Лю Таньчжи — это, скорее всего, Хань Цзян, — заговорил Цэнь Сяо. — Она очень старалась не выдавать себя. Когда резали индейку, Хань Цзян лично положил ей кусок — это можно было списать на грубость Ли Байшоу. Позже, когда она фотографировалась с коллегами, камера была направлена прямо на Хань Цзяна, стоявшего за фонтаном. Это тоже можно было оправдать любовью к красивым видам. Но когда стало известно о статье Ли Цинли, она не выдержала и первым делом посмотрела на Хань Цзяна, ожидая его указаний.

Ли Жун был слишком далеко и не мог видеть таких тонкостей. Услышав слова собеседника, он поспешно спросил:

— И как он отреагировал?

Цэнь Сяо покачал головой:

— Хань Цзян остался совершенно спокоен. Казалось, эта новость его ничуть не задела, он не волновался. А вот сотрудники «Хунсо» были в полной растерянности.

Ли Жун поджал губы и надолго задумался, опустив взгляд. Наконец он с брезгливостью произнёс:

— Хань Цзяню уже за пятьдесят, а Лю Таньчжи всего тридцать четыре. Неужели они...

Его догадка была вполне логичной. Зная о натянутых отношениях Лю Таньчжи с мужем, легко было предположить, что у неё появился кто-то на стороне. И Хань Цзян выглядел куда достойнее Ли Байшоу. Разница в возрасте вряд ли была помехой — Ли Байшоу тоже был значительно старше жены.

Цэнь Сяо забрал у Ли Жуна бокал с остывающим вином и отставил его в сторону.

— Насколько мне известно, Хань Цзян очень предан жене и детям. Он никогда не давал повода для подобных мыслей.

Ли Жун скептически вскинул бровь:

— Ты уверен? Ли Байшоу и Лю Таньчжи на людях тоже изображают идеальную пару.

— За каждым шагом начальника отряда «Призрачный глаз» следят сотни глаз. Истинные чувства скрыть крайне трудно. Когда я встретил... того кандидата, я даже не пытался притворяться, понимая, что это бесполезно. Если бы у Хань Цзяна была хоть малейшая слабость к Лю Таньчжи, за столько лет это бы обязательно всплыло.

Ли Жун был вынужден согласиться. Настоящие чувства не спрячешь. Рано или поздно, в момент душевного расслабления, они всё равно прорвутся наружу. Эмоции всегда будут бороться с рассудком — они как семя, скрытое глубоко под землёй: оно не может вечно оставаться в темноте и в конце концов пробьётся к свету, истосковавшись по теплу солнца. Даже самые расчётливые люди порой совершают ошибки под влиянием сердца.

Ли Жун улыбнулся, невольно поёжившись от холодного воздуха из окна. Он потянулся к Цэнь Сяо и спрятал свои озябшие пальцы в его карман, согретый теплом тела, сокращая расстояние

между ними.

— Ты сказал, что вспоминаешь обо мне, когда видишь снег. Но разве мы не видимся каждый день?

В глубине глаз Цэнь Сяо отразилось сложное, почти болезненное чувство. Его губы дрогнули, но он не проронил ни звука. Сглотнув, он опустил руку в карман и крепко сжал холодные пальцы Ли Жуна, словно заявляя свои права:

— И в будущем мы тоже будем видеться каждый день.

<http://bllate.org/book/15351/1428883>